Женщина в российском обществе. 2025. № 3. С. 56—67.

Woman in Russian Society. 2025. No. 3. P. 56—67.

Научная статья

УДК 101.1-055.2

EDN: <https://elibrary.ru/qcfxoq>

DOI: 10.21064/WinRS.2025.3.4

**ГИПАТИЯ-XXI:
КАК ЖЕНЩИНЫ-ФИЛОСОФЫ ВСЕ ЖЕ МЕНЯЮТ МИР**

Александр Викторович Марков¹, Оксана Александровна Штайн²

¹ Российский государственный гуманитарный университет,
г. Москва, Россия, markovius@gmail.com

² Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу книги О. Штайн «Женщины-философы. Мыслительницы, изменившие мир» (2024), исследующей вклад женщин в философию от античности до современности. Центральной фигурой выступает Гипатия Александрийская, чья судьба интерпретируется как архетип женщины-философа: мудрой, стойкой и жертвенной. Авторы прослеживают, как этот архетип воплощается в биографиях мыслительниц разных эпох — от Л. Саломе и С. де Бовуар до Х. Арендт. Особое внимание уделено гендерной социологии: анализируются борьба женщин-философов за право на интеллектуальное лидерство и границы эмпатии, солидарности и междисциплинарности в их работах. Женщины-философы преодолевали маргинализацию, сочетая академическую работу с гражданской активностью. Э. Штайн и С. Вейль соединяли феноменологию с этикой сопротивления, а С. Сонтаг и С. де Бовуар превращали философию в инструмент критики культуры. Современные мыслительницы (Дж. Батлер, М. Нуссбаум, О. Седакова и многие другие) продолжают эту традицию, деконструируя гендерные, политические и экологические стереотипы. Их наследие перекраивает не только академический дискурс, но и социальные практики, подтверждая социологический тезис о связи знания и власти.

Ключевые слова: женщины-философы, гендерная социология, архетип Гипатии, интеллектуальное лидерство, феминистская философия, коллективное бессознательное, социальное конструирование гендера, публичная сфера, деконструкция

Для цитирования: Марков А. В., Штайн О. А. Гипатия-XXI: как женщины-философы все же меняют мир // Женщина в российском обществе. 2025. № 3. С. 56—67.

Original article

HYPATIA OF THE 21st CENTURY: HOW WOMEN PHILOSOPHERS ARE CHANGING THE WORLD

Alexander V. Markov¹, Oksana A. Shtayn²

¹ Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russian Federation, markovius@gmail.com

² Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russian Federation

Abstract. The article analyzes O. Shtayn's book *Women Philosophers. Thinkers Who Changed the World* (2024), which examines the contributions of women to philosophy from antiquity to the present day. The central figure is Hypatia of Alexandria, whose life is interpreted as an archetype of the woman philosopher: wise, resilient, and sacrificial. The authors trace how this archetype manifests in the biographies of female thinkers across different eras — from L. Andreas-Salomé and S. de Beauvoir to H. Arendt. Special attention is paid to gender sociology, analyzing women philosophers' struggle for intellectual leadership and the role of empathy, solidarity, and interdisciplinarity in their work. Women philosophers overcame marginalization by combining academic work with civic engagement. E. Stein and S. Weil linked phenomenology with an ethics of resistance, while S. Sontag and S. de Beauvoir transformed philosophy into a tool for cultural critique. Contemporary thinkers (J. Butler, M. Nussbaum, O. Sedakova, and many others) continue this tradition by deconstructing gender, political, and environmental stereotypes. Their legacy reshapes not only academic discourse but also social practices, confirming the sociological thesis about the connection between knowledge and power.

Key words: women philosophers, gender sociology, Hypatia archetype, intellectual leadership, feminist philosophy, collective unconscious, social construction of gender, public sphere, deconstruction

For citation: Markov, A. V., Shtayn, O. A. (2025) Gipatii-XXI: kak zhenshchiny-filosofy vsë zhe meniaiut mir [Hypatia of the 21st century: how women philosophers are changing the world], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 56—67.

Книга Оксаны Штайн рассказывает о женщинах-философах от античности до наших дней, об их драматической судьбе, переживаниях и невероятных достижениях [Штайн, 2024]. Это своеобразное введение в философию: женщины не меньше мужчин обсуждали проблемы бытия, но их вклад в науку часто оставался незаметным. Героини книги — женщины, которые были смелы и не боялись давать ответы на сложные вопросы, но защищали при этом нежность и интуицию. Их истории успеха полны страдания, но полны и надежд: они не теряли любви даже в самых сложных жизненных обстоятельствах и учат нас подлинной любви.

Что определяет судьбы женщин в истории философии — от уходящей краем своих одежд в миф Гипатии Александрийской (370—415) до харизматичной Сьюзен Сонтаг (1933—2004): воля, мысль или искусство любви? Многие из женщин жертвовали именем, семьей, потомством, репутацией, жизнью ради философии, отстаивая любовь к мудрости. Вспоминая имена женщин-философов,

мы возвращаем их в образовательный и академический дискурс, обращая историческую память о них в знание их подвига. В книге — истории Гипатии Александрийской, Таннеке Денис, представительниц XX в.: Лу Саломе, Анны Фрейд, Эдит Штайн, Симоны Вейль, Симоны де Бовуар, Айн Рэнд, Ханны Арендт, Сьюзен Сонтаг и многих других. Есть и женщины-революционерки, как Роза Люксембург (1871—1919); ее версия марксизма анализируется в книге. Посвящение — отечественным и зарубежным женщинам-философам XXI в.

Труд О. Штайн — научный гимн Гипатии и женщинам-философам разных веков. Желание автора назвать книгу «Архетип Гипатии» не сбылось в силу маркетинговых соображений издательства, став названием только предисловия, как бы подзаголовком. Что же такое архетип и почему Гипатия стала пробразом дальнейших судеб женщин-философов?

Архетип, по определению К.-Г. Юнга, — это универсальный, мифологически окрашенный образ, запечатленный в коллективном бессознательном. Он проявляется в повторяющихся сюжетах, символах и ролях, формируя базовые модели восприятия мира. Гипатия стала архетипом женщины-философа, потому что воплотила в себе мудрость, стойкость и трагическую судьбу, свойственные образу философа в культуре.

Гипатия — символ женской интеллектуальной силы, противостоящей предрассудкам. Она не только учила философии и наукам, но и отстаивала разум и нейтралитет в эпоху религиозных конфликтов. Ее образ повторяется в истории: как Сократ в женском обличье, она приняла мученическую смерть за истину, став вечным примером для женщин-мыслителей.

Архетипы — это «отпечатки» коллективного опыта, проявляющиеся в мифах и историях. Гипатия вписалась в архетип Софии (мудрости) и одновременно — женщины, нарушающей нормы. Ее судьба отражает вечный конфликт между знанием и догмой, а ее последовательницы — такие как британка Ада Лавлейс-Байрон (1815—1852) или француженка маркиза Дю Шатле (1706—1749) — продолжали этот архетип, ломая стереотипы и создавая новое понимание Софии как Искусницы (оператора бытия) [Марков, Штайн, 2024].

Образ Гипатии стал символом обретения женщиной права на современное знание. И после ее мученической смерти ее наследие живо: императрица Евдокия возродила греческую ученость, а позже женщины-ученые Нового времени, вдохновленные Гипатией как образцом женщины, не просто работающей в науке, а возглавляющей философскую школу, имеющей учеников и адептов, пробивали путь в науке. Архетип сохраняется, потому что каждая эпоха находит в Гипатии отражение своей борьбы за равенство и реализацию интеллектуального достоинства женщин.

Гипатия — не только историческая фигура, но живой архетип, побуждающий женщин не покидать философию и науку. Ее наследие говорит: даже перед лицом насилия и забвения идеи остаются, а истина требует смелости. Вот почему ее история повторяется — как напоминание о цене знания и силе духа. В книге уделено внимание и женщинам-философам Средневековья, таким как Хильдегарда Бингенская (1098—1179); символом этих женщин в книге стала загадочная нидерландская мыслительница эпохи барокко Таннеке Денис (1637/1638—1702).

Лу Саломе (1861—1937) явилась символом женской интеллектуальной свободы в эпоху, когда наука и философия считались мужскими сферами. Подобно Гипатии, она бросила вызов традициям, совмещая философию, психоанализ и литературу. Если Гипатия отстаивала разум в эпоху религиозного фанатизма, то Саломе защищала целостность человеческой природы в мире, где позитивизм сводил все к сухим формулам. Она создала женственную альтернативу жесткому рационализму, доказывая, что чувства и интуиция — не менее важные инструменты познания.

Саломе отвергала противопоставление мужского и женского начал, видя в них взаимодополняющие силы. Мужское, по ее мнению (пользуясь формулировками из книги Штайн), — это целеустремленность, «стрела, летящая в мир», а женское — способность «рождать мир заново». В психоанализе она развивала идеи Фрейда, но смягчила его механистический подход, вводя тему творчества и эроса. Ее книга «Эротика» стала манифестом целостного понимания человека, где наука не отрицает чувственность, а включает ее в систему познания.

Саломе была не просто собеседницей великих мужчин: она формировала их мысли. Ницше называл ее «воплощенной философией», а после разрыва с ней погрузился в одиночество, создав свои главные труды. Рильке под ее влиянием сменил имя и обрел новый творческий путь. Она умела быть для них одновременно музой, матерью и равноправным соавтором, доказывая, что женский интеллект не уступает мужскому, а дополняет его.

В поздние годы Саломе занялась детским психоанализом вместе с Анной Фрейд, передавая знания новому поколению. Ее жизнь стала примером того, как женщина может оставаться свободной в мире мужских идей, не теряя ни женственности, ни силы. Как Гипатия для античности, Саломе для XX в. стала архетипом женщины-философа, которая не боится быть собой — даже если это значит быть «вдохновителем и палачом» гениев.

Подобно Гипатии, Анна Фрейд (1895—1982) начала свой путь с глубокого изучения науки под руководством великого учителя — своего отца, Зигмунда Фрейда. Однако она не остановилась на роли последовательницы, а совершила прорыв в детском психоанализе, создав новые методы работы с маленькими пациентами. Ее первая книга и выступления в Венском психоаналитическом обществе доказали: женщина может не только усваивать знания, но и развивать науку, становясь авторитетом в своей области.

Анна отвергла жесткие схемы взрослого психоанализа, создав подход, основанный на игре, рисунках и сказках. Она понимала, что ребенок — не маленький взрослый и потому требует иных методов работы. Ее исследования стали мостом между педагогикой и психоанализом, а приют для детей-сирот, который она организовала во время войны, превратился в лабораторию практической психологии. Как Гипатия соединяла математику и философию, так Анна объединила теорию с повседневной заботой о детях, доказывая: женский подход к науке может быть одновременно мягким и революционным.

Анна не просто продолжила дело отца, она окружила себя единомышленницами, создав женский интеллектуальный круг, который влиял на развитие психоанализа, противостоя упрощенным интерпретациям учения ее отца. Ее книги и лекции легли в основу современной детской психологии, а звания

почетного доктора ведущих университетов мира подтвердили: женщина может быть не просто «попутчицей» в науке, а ее законодательницей. Как Гипатия вдохновляла последующих женщин-философов, так А. Фрейд показала, что даже в «мужской» дисциплине можно найти свой путь: через эмпатию, интуицию и бесстрашие перед лицом преступных политических режимов она спасала дело отца от нацизма. Ее жизнь доказала: учить — значит не просто передавать знания, а менять сам способ мышления.

Две другие великие мыслительницы, представленные в этой книге, — Эдит Штайн (1891—1942) и Симона Вейль (1909—1943), обе жертвы нацистских преступлений. Э. Штайн и С. Вейль противостояли абсолютному злу нацизма по-разному, но одинаково жертвенно. Штайн, еврейка, принявшая католичество, стала жертвой Холокоста: ее убили в Освенциме за отказ отречься от веры и происхождения. Вейль, французская еврейка, отвергавшая и фашизм в любых формах, включая политику Ф. Франко и А. Салазара, и церковные догмы как несущие на себе след монархизма и неравенства прежних веков, умерла от голода в знак солидарности с жертвами войны. Обе отказались от компромиссов: Штайн — уйдя в монастырь, Вейль — сознательно истощая себя, чтобы разделить страдания угнетенных.

Э. Штайн развивала феноменологию Гуссерля, соединив ее с теологией Фомы Аквинского. Ее работы о «науке Креста» исследуют страдание как путь к Богу и первичную очевидность страдания как аргумент в пользу бытия Божия, а не против. С. Вейль создала уникальную философию труда, считая физическую работу формой соприкосновения с абсолютной истиной. Если Штайн искала Бога в созерцании, то Вейль — в действии: ее идеи о том, что тяжести мира противостоит только каждодневный Крест, перевернули представления о духовности.

Э. Штайн приняла монашество, видя в этом высшее призвание женщины-философа. Ее жизнь стала воплощением жертвенной любви. Вейль, напротив, отказалась от крещения, но ее аскеза и смерть от голода были не менее радикальным подвигом. Обе показали: философия — не абстракция, а выбор, требующий полной самоотдачи. Штайн обрела мир в католичестве, приняв крест как дар. Вейль же, хотя и молилась, и читала «Отче наш» в виноградниках, так и не вошла в Церковь, считая себя «недостойной таинств». Для Штайн Бог был очевиден, для Вейль — трагически недостижим, но обе искали Его в страдании.

Э. Штайн доказала, что женщина может быть и ученым, и святой: ее труды по феноменологии и теологии не уступали мужским. Вейль разрушила миф о «непрактичности» женщин-философов, работая на заводах и превратив физический труд в метафизический акт. Обе отказались от традиционных ролей, расширив границы женского интеллектуального служения. Смерть Штайн в газовой камере стала символом мученичества за веру. Вейль, уморив себя голодом, превратила свою кончину в протест против бесчеловечности войны. Их гибель — не поражение, а торжество духа: Штайн вошла в историю как святая, Вейль — как пророческий голос эпохи.

Эдит Штайн канонизирована под именем святая Тереза Бенедикта Креста, ее труды изучают в семинариях. Вейль осталась «еретичкой», но ее идеи вдохновляют левых интеллектуалов и богословов. Обе показали: философия — это не только мысль, но и поступок, меняющий мир. Как и Гипатия, Штайн и Вейль

сочетали ученость с духовным подвигом. Штайн учила даже в монастыре, переводя Фому Аквинского; Вейль «преподавала» своим примером, превратив жизнь в манифест. Их судьбы доказывают: женщина-философ — не исключение, а вечный архетип, в котором знание неотделимо от жертвенности.

Ханна Арендт (1906—1975) разработала уникальный подход к политической философии, сосредоточившись на проблемах тоталитаризма, человеческой активности и публичной сферы. Она рассматривала политику не как систему власти, а как пространство свободного взаимодействия людей через речь и поступки. Ее ключевая идея в том, что персона (личность) проявляется в публичном диалоге, где человек заявляет о себе через голос и поступки. Арендт утверждала, что мышление — это внутренний диалог, а подлинное бытие раскрывается только в действии, что сближает ее с экзистенциалистами, такими как Сартр.

Арендт разделяла человеческую деятельность на три типа: работу (физический труд), производство (создание ценностей) и действие (поступок в публичной сфере). Именно действие — уникальное человеческое проявление, поскольку оно требует смелости и непредсказуемо. Здесь ее философия пересекается с идеей Сартра «Быть — значит действовать». Подлинная жизнь, по Арендт, возможна только в активном участии в мире, где человек заявляет о себе не через подчинение, а через свободный поступок.

Архетип Гипатии — женщины-философа, сочетающей мудрость и гражданское мужество, — воплощается и в Ханне Арендт. Как и Гипатия, Арендт отстаивала независимость мысли перед лицом идеологического давления. Ее критика тоталитаризма, анализ «банальности зла» в деле Эйхмана и призыв к личной ответственности требовали такой же смелости, как и выступление Гипатии против религиозного фанатизма. Арендт, подобно античной женщине-философу Гипатии, видела в разуме и публичном действии основу человеческого достоинства.

Арендт отвергала пассивную мораль послушания, предлагая вернуться к сократовским принципам: лучше страдать от несправедливости, чем ее совершать. Она настаивала, что истинная мораль рождается в риске самостоятельного мышления, а не в слепом следовании традициям. Ее критика автоматического воспроизводства норм перекликается с идеей о том, что человек теряет себя, отказываясь от внутреннего диалога. Для Арендт свобода — это не просто отсутствие ограничений, а способность действовать в публичном пространстве как в античном полисе. Такую публичность создавала Гипатия в своей школе, такую публичность Ханна Арендт продолжает создавать своими трудами, которые обсуждаются философами, политологами и социологами.

Симону де Бовуар (1908—1986) и Сьюзен Сонтаг (1933—2004) объединяет приверженность интеллектуальной свободе, но их философские корни различны. Бовуар, спутница жизни Сартра, развивала экзистенциалистский феминизм, утверждая, что «женщиной не рождаются, а становятся» — через выбор и действие. Ее философия — это постоянное самоопределение, борьба с «естественностью» гендерных ролей. Сонтаг же, хоть и восхищалась Сартром и Камю, работала в поле критической теории культуры, исследуя, как власть, медиа и искусство формируют восприятие реальности. Если Бовуар деконструировала патриархат, то Сонтаг — мифы массовой культуры, от кэмп до военной пропаганды.

Обе использовали слово как инструмент изменения мира, но по-разному. Для Бовуар культура была полем борьбы за равенство, для Сонтаг — игрой, где высокое и низкое равноценны. Бовуар во «Втором поле» создала феминистский манифест, системно разоблачающий угнетение женщин. Ее тексты — это философские трактаты, подкрепленные историческим анализом. Сонтаг, напротив, работала в жанре эссе, где смешивала философию, искусство и политику. Ее «Заметки о кэмпе» или «О фотографии» — не манифесты, а эксперименты с формой, разрушающие границы между высоким и низким. Бовуар писала, чтобы изменить общество, Сонтаг — чтобы изменить способ видеть общество.

Бовуар стала иконой феминистского движения, но сама избегала прямых акций, предпочитая теоретическую борьбу. Ее политика — это анализ структур угнетения. Бовуар, несмотря на радикализм, оставалась в рамках европейской интеллектуальной традиции, опираясь на Гегеля, Маркса и Сартра. Ее критика патриархата — это логичное продолжение Просвещения. Сонтаг же, увлеченная гностицизмом и авангардом, отвергала каноны: ее герои — Арто с его «театром жестокости», Уорхол с поп-артом, Кейдж с «тишиной» как музыкой. Поэтому Сонтаг, изначально далекая от политики, после Вьетнама превратилась в активистку: ее арест за блокировку призывного пункта, поездки в Северный Вьетнам и Сараево — это жизнь как жест протеста. Если Бовуар меняла мир книгами, то Сонтаг — личным присутствием в эпицентрах катастроф.

Бовуар анализировала системное насилие патриархата, но редко писала о войнах. Сонтаг же, пережив шок 11 сентября, заявила: «Мы все соучастники». Ее эссе о фотографии — исследование того, как медиа обезчеловечивают страдание, превращая его в зрелище. Бовуар говорила о структурной вине, Сонтаг — о вине зрителя, который потребляет чужие трагедии.

Бовуар — системный мыслитель, Сонтаг — художник мысли. Обе изменили XX век, но первая дала ему идеи, вторая — оптику. Бовуар стала символом феминизма, ее идеи институционализированы. Сонтаг осталась маргиналом, чьи работы слишком многогранны для ярлыков. Захоронение Бовуар — рядом с Сартром, как часть философского пантеона; Сонтаг похоронена рядом с Бартом и Беккетом, аутсайдерами, перевернувшими культуру. Бовуар учила быть свободной, Сонтаг — сомневаться даже в свободе.

И С. де Бовуар, и С. Сонтаг можно назвать новейшими воплощениями архетипа Гипатии — женщины-философа, сочетающей интеллектуальную смелость с гражданской позицией. Как и античная мыслительница, они бросили вызов доминирующим системам власти — будь то патриархат, милитаризм или культурные догмы, используя разум как оружие. Бовуар, подобно Гипатии, преподающей в Александрии, создала новую теорию женского освобождения, разрушив «естественность» угнетения, а Сонтаг, как и Гипатия, выступавшая против любых форм фанатизма, разоблачала идеологические мифы своего времени, от лицемерия войны до иллюзий массмедиа. Обе не боялись вступать в публичные дискуссии — феминистские дебаты или антивоенные протесты, и обе заплатили цену за свою принципиальность, получив осуждение, остракизм, но также и оставив бессмертное влияние. Их жизни, как и жизнь Гипатии, стали доказательством того, что женщина-философ — это не просто комментатор

реальности, но созидательница иной логики бытия, где мысль неотделима от действия, а истина — от этики.

В книге О. Штайн идет речь и о множестве современных женщин-философов: например о теоретике феминизма и социального конструктивизма Джудит Батлер (р. 1956), которой посвящена большая глава; нарратологе Марии Шехтман, реализующей в США достижения герменевтики и рецептивной эстетики и создавшей свою версию нарративной идентичности, не противоречащую данным нейронаук; политических мыслительниц Барбаре Кассен (р. 1947), Юлии Кристевой (р. 1941), Марте Нуссбаум (р. 1947) и многих других. Есть и наши соотечественницы: поэт-теолог и социальный мыслитель Ольга Седакова (р. 1949), философ культуры Елена Петровская (р. 1960), теоретик науки Пиамы Гайдено (1934—2018). Внимание уделено и представительницам экологической мысли, например Донне Харауэй (р. 1944) и Оксане Тимофеевой (р. 1978). Также в книге указаны мировые цифровые проекты, посвященные истории женщин-философов, доступные в Сети видео- и аудиointервью с ними, приведен список наиболее ярких художественных и документальных фильмов мирового кинематографа о них.

Наши современницы также воплощают архетип Гипатии, поскольку, подобно ей, они не просто развивают философские идеи, но активно преобразуют интеллектуальный ландшафт, бросая вызов устоявшимся нормам. Барбара Кассен и Юлия Кристева, исследуя язык и власть, как Гипатия, работают на стыке философии и политики, а Марта Нуссбаум, отстаивая этику и справедливость, повторяет ее путь как мыслителя, для которого мудрость неотделима от гражданской ответственности. Российские женщины-философы также следуют этому архетипу, сочетая глубокую теоретическую работу с публичной интеллектуальной смелостью: историк философии и этический мыслитель Мария Безобразова (1863—1919), советский математик и аналитический философ Софья Яновская (1896—1966) [Левина, 2022], сестра великого поэта, аристотелевед Жозефина Пастернак (1900—1993) [Марков, 2020] и многие другие, наследие которых стало изучаться только в последние годы, в частности в проекте Л. Киейзик [Киейзик, 2019]. Экологические мыслительницы и женщины, пишущие о киберкультуре или самых новых вызовах современности, вне сомнения, наследуют духу Гипатии, ибо их идеи — это не просто анализ, но призыв к действию, к переосмыслению отношений человека с миром. Архетип Гипатии реализуется во всех женщинах, для которых философия стала профессией и способом изменить реальность.

Ольга Седакова (р. 1949) — поэт и мыслитель, в чьем творчестве слово становится мостом между философией и откровением. Ее работам посвящают труды молодые женщины-философы [Файбышенко, 2018; Голубович, 2022]. Ее поэзия, пронизанная метафизической глубиной, неотделима от интеллектуальной работы: стихи переплетаются с богословскими эссе, переводы Данте и Рильке — с исследованиями христианской антропологии. Как Гипатия соединяла математику и философию, так Седакова объединяет поэтическую интуицию с традицией святоотеческой мысли, превращая стих в инструмент познания. В ее поэтических сводах — от «Китайского путешествия» до «Начала книги» — звучит вопрос о природе человеческого достоинства, а в ее филологических и культурологических трудах о Пушкине, Мандельштаме или позднесоветской

культуре раскрывается герменевтический дар: она читает историю как текст, требующий не просто интерпретации, но нравственного усилия.

Седакова воплощает архетип Гипатии, потому что для нее знание — это не абстракция, а путь к свободе и правде. Подобно античному философу, она отстаивает автономию мысли даже в условиях идеологического давления (советская цензура или современный конформизм), а ее публичные выступления — от лекций о Данте до полемики с агрессивным секуляризмом — напоминают Гипатиеву школу, где разум встречается с мужеством. В ее работе, как и в работе Гипатии, ученость неотделима от гражданского служения, будь то защита филологии как науки диалога, доказывающей бытие другого человека, или попытка вернуть языку сакральное измерение. Если Гипатия стала символом мудрости, растоптанной фанатизмом, то личность Седаковой — свидетельство того, что поэзия и философия могут быть настоящим сопротивлением забвению, а женский голос может звучать не как исключение, а как равноправное слово в вечном диалоге об истине.

Конечно, книга — это введение в проблему, а не справочник. Жаль, что в ней почти не нашлось места мыслительницам-художницам. Назовем здесь только одну. Кети Чухров (р. 1970) — активный участник художественных и кураторских проектов, где она исследует возможности искусства как формы критики и интервенции. Ее работы находятся на стыке философии, политической теории и эстетики, в них развиваются идеи постмарксизма и деколонизальной мысли и уделяется особое внимание вопросам труда, насилия и сопротивления в условиях глобализации. Это тоже реализация архетипа Гипатии — соединение свободы и справедливости в едином действии мысли. Одной из ключевых тем в работах Чухров является концепция «коммунизма как перекодировки» — попытка переосмыслить коммунистическую теорию вне традиционных идеологических клише, акцентируя внимание на повседневных практиках солидарности и альтернативных формах социальности. В своих книгах, таких как «Быть и исполнять» [Чухров, 2011], она анализирует, как искусство и философия могут стать инструментами освобождения от структур экономического угнетения.

К сожалению, героиней книги не стала только что ушедшая от нас Елена Владимировна Косилова (1966—2025) — российский философ, логик и исследовательница сознания, чьи работы соединяли аналитическую строгость и компетентность в естественных науках с глубокими гуманитарными интуициями. Мы надеемся скоро выпустить статью, реконструирующую и анализирующую философскую систему Косиловой. Как и Гипатия, Косилова сочетала математическую точность мышления с широкими философскими интересами, охватывающими теорию познания, философию науки и метафизику. Ее подход напоминал античную традицию, в которой философия была не просто академической дисциплиной, но и практикой освобождающего разума. Для Гипатии преподавание было формой распространения свободы мысли. Косилова также видела в философии просветительскую миссию: она активно преподавала, писала доступные учебники по философии для математиков и участвовала в публичных дискуссиях, демонстрируя, что сложные идеи могут быть ясными и практически значимыми. Ее лекции, как и античные школы, становились пространством интеллектуального пробуждения.

Гипатия, будучи математиком и астрономом, отвергала разрыв между индивидуальным путем в философии и общим звездным путем точных наук. Косилова, специализировавшаяся на философии сознания и когнитивных исследованиях, развивала аналогичный синтез. Ее анализ искусственного интеллекта, например, сочетал логическую строгость с философской рефлексией о природе человеческого «Я». Гипатия прославилась как защитница рационального знания в эпоху нарастающего религиозного догматизма. Косилова продолжала эту линию, критикуя современные интеллектуальные клише — от вульгарного сциентизма до постмодернистского релятивизма. В ее работах, таких как «Парадигмы субъектности» [Косилова, 2021], утверждалась необходимость четкого мышления, способного противостоять идеологическим искажениям. Античная мыслительница погибла, отстаивая независимость разума от индивидуального или коллективного вмешательства извне. Косилова, работая в условиях постсоветского академического поля, тоже сопротивлялась любым формам давления предрассудков — будь то конформизм или мода на «альтернативные» теории.

В книге «Парадигмы субъектности» Елена Косилова вступает в полемику с модными тенденциями эпохи постмодерна, отрицающими автономию субъекта. Она указывает на ключевую путаницу: критики «субъекта» часто смешивают его формальную способность мыслить и действовать с содержательными аспектами (биография, культурные конструкты), которые действительно подвержены внешним влияниям. Косилова, подобно Гипатии, защищающей разум перед лицом индивидуальных и коллективных убеждений, настаивает: даже если наши конкретные решения обусловлены социумом или биологией, сама способность к рефлексии и выбору не может быть просто «собранной» конструкцией — это фундаментальное условие человеческого бытия. Ее аргумент напоминает античную традицию, где логос (разум) понимался как неотъемлемое свойство человека, а не продукт конвенций. Разделяя субъектность на формальную и содержательную стороны, она предлагает путь между наивным картезианством и радикальным конструктивизмом, возвращая философии вопрос о свободе воли в рамках строгого анализа — как и подобает наследнице Гипатии, соединяющей логическую четкость с метафизической смелостью.

Как и дело Гипатии, идеи Косиловой — мост между эпохами. Ее работы о сознании, реальности и пределах познания продолжают спор, начатый еще в античности, но переносят его в контекст цифровой эпохи. В этом диалоге сквозь века она остается верной духу Гипатии: философия — это не только анализ, но и мужество искать истину вопреки всему.

История женщин-философов — и восполнение лакун в академическом каноне, и радикальный пересмотр самой природы философского знания. От Гипатии до Батлер их мысль, отточенная в сопротивлении патриархальным структурам, превращалась в алхимический тигель, где рациональность сплавлялась с эмпатией, логика — с поэзией, а абстракция — с политической волей. Их наследие доказывает: философия, выкованная на грани личного и коллективного страдания, обретает особую пронизательность — не холодную отстраненность «универсального субъекта», а теплую точность прикосновения к ранам мира.

XXI век, с его кризисами идентичности и экзистенциальной раздробленностью, остро нуждается именно в таком знании — телесном, уязвимом

и отважном. Современные мыслительницы, продолжая архетип Гипатии, уже не просят место в «истории великих идей», а пересобирают саму ее материю, вплетая в философский дискурс маргинализированные голоса, забытые методологии и запретные вопросы. Их труд — не реставрация справедливости *post factum*, а живая лаборатория будущего, где мысль, наконец, перестает быть монологом и становится полифонией: тревожной, щедрой, необходимой.

Список источников

- Голубович К. О. Постмодерн в раю: о творчестве Ольги Седаковой. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2022. 540 с.
- Киейзик Л. Почему не было великих женщин-философов (в России)? // Соловьевские исследования. 2019. № 1. С. 195—204.
- Косилова Е. В. Парадигмы субъектности. СПб.: Алетейя, 2021. 168 с.
- Левина Т. В. В защиту абстракций: Софья Яновская и развитие аналитической философии // *Modernity: человек и культура*. СПб.: РХГА, 2022. С. 200—205.
- Марков А. В. Итальянское искусство в поэзии Жозефины Пастернак // Вестник гуманитарного образования. 2020. № 4. С. 119—127.
- Марков А. В., Штайн О. А. Операторы библиотеки и эпистемология искусственного интеллекта // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2024. Т. 24, № 6. С. 112—122.
- Файбышенко В. Ю. Власть слов: теология политическая и теология поэтическая в анализе одного сюжетного паттерна // *Артикульт*. 2018. № 3. С. 105—124.
- Чухров К. Быть и исполнять: проект театра в философской критике искусства. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в СПб., 2011. 278 с. (Эстетика и политика; вып. 1).
- Штайн О. А. Женщины-философы. Мыслительницы, изменившие мир. М.: АСТ, 2024. 256 с.

References

- Chukhrov, K. (2011) *Byt' i ispolniat'*: *Proekt teatra v filosofskoi kritike iskusstva* [To be and to perform: The theatre project in philosophical art criticism], St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Faybyshenko, V. Yu. (2018) *Vlast' slov: teologiya politicheskaya i teologiya poeticheskaya v analize odnogo siuzhetnogo patterna* [The power of words: political theology and poetic theology in the analysis of a narrative pattern], *Artikul't*, no. 3, pp. 105—124.
- Golubovich, K. O. (2022) *Postmodern v raiu: O tvorchestve Ol'gi Sedakovoï* [Postmodern in paradise: On the work of Olga Sedakova], St. Petersburg: Izdatel'stvo Ivana Limbakha.
- Kieïzik, L. (2019) *Pochemu ne bylo velikikh zhenshchin-filosofov (v Rossii)?* [Why were there no great women philosophers (in Russia)?], *Solov'evskie issledovaniia*, no. 1, pp. 195—204.
- Kosilova, E. V. (2021) *Paradigmy sub'ektnosti* [Paradigms of subjectivity], St. Petersburg: Aleteïia.
- Levina, T. V. (2022) *V zashchitu abstraktsii: Sof'ia Ivanovskaia i razvitie analiticheskoi filosofii* [In defense of abstractions: Sofia Yanovskaya and the development of analytical philosophy], *Modernity: chelovek i kul'tura*, St. Petersburg: Russkaia khristianskaia gumanitarnaia akademiia, pp. 200—205.

- Markov, A. V. (2020) Ital'ianskoe iskusstvo v poëzii Zhozefiny Pasternak [Italian art in the poetry of Josephine Pasternak], *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniia*, no. 4, pp. 119—127.
- Markov, A. V., Shtayn, O. A. (2024) Operatory biblioteki i èpistemologiiia iskusstvennogo intellekta [Library operators and the epistemology of artificial intelligence], *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta, seriia Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, vol. 24, no. 6, pp. 112—122.
- Shtayn, O. A. (2024) *Zhenshchiny-filosofy. Myslitel'nitsy, izmenivshie mir* [Women philosophers. Thinkers who changed the world], Moscow: AST.

Статья поступила в редакцию 02.06.2025; одобрена после рецензирования 16.06.2025; принята к публикации 23.06.2025.

The article was submitted 02.06.2025; approved after reviewing 16.06.2025; accepted for publication 23.06.2025.

Информация об авторах / Information about the authors

Марков Александр Викторович — доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия, markovius@gmail.com (Dr. Sc. (Philology), Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation).

Штайн Оксана Александровна — кандидат философских наук, доцент, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия, shtaynshtayn@gmail.com (Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation).